

Анатолий Беляев

Территория геологии

ГАММА-АНОМАЛИЯ

Огненный цветок сигнальной ракеты распустился под низкими дождливыми облаками, и полетел над рекой, зажатой между крутобокими сопками. Дождливое покрывало облаков сдвинулось, и на северо-западе неожиданно вспыхнула яркая полоса заката, пылающая, словно раскаленное горнило. Невидимая в темноте река вдруг сверкнула в ночи струей расплавленного серебра. Ракета погасла, и красный уголек от сгоревшего заряда коснулся темных сердитых волн.

Из радиоприемника в палатке послышались короткие гудки точного времени – пять минут в конце каждого часа – условное время подачи аварийных сигналов истекли.

От морозящего дождя стекла очков помутнели, и четкие линии заката превратились в расплывчатое розовое пятно. Геннадий снял очки, тщательно протер стекла.

Рабочий Ким застыл на краю обрыва в напряженной позе воина ожидающего невидимого врага. Красные сполохи заката, словно отблески военного пожа-

рища, освещали его коренастую фигуру на крутом берегу. Островерхий капюшон брезентового плаща напоминал боевой шлем скифов. Ким из под руки напряженно всматривался вдаль. Там у подножия сопки должна была выйти к реке маршрутная пара, но ответных ракет не было. Задержка в последнем маршруте полевого сезона вызвала у всех, даже у повара Жени Графа, непонятную тревогу.

Вот уже второй сезон подряд Геннадий работал вместе с поисковым отрядом урановой экспедиции. Поисковики занимались заверкой гамма-аномалий, обнаруженных аэропартией. В этом отряде имелась коротковолновая радиостанция и много полетного времени на вертолетах. И они помогали отряду Геннадия заброситься в нужный район, а потом забирали попутным рейсом.

Геннадий уже закончил свой полевой сезон, и дожидался возвращения из двухдневного маршрута геолога Максима и техника Сергея, которые ушли на заверку недавно обнаруженной аэрогамма-аномалии. Ее координаты им передали по радиосвязи. Аномалия располагалась в одном из боковых ущелий ниже по течению реки.

Ким переломил ракетницу и выбросил в реку картонную гильзу, остро пахнущую дымным порохом.

– Что, Михалыч, ещё одну?

– Побережем ракеты, пальни, на всякий случай, из карабина.

Скинув с плеча карабин, Ким передернул затвор, и короткое злое пламя рванулось вслед за пулей к низким облакам. Несмотря на ветер, грохот выстрела об-

валом покатился по реке. С дальнего плеса взлетела потревоженная стая крохалей и потянула на запад к свету. На противоположном берегу, на крутом склоне горелой сопки, из высоких зарослей пожухлого иванчая настороженно вскинул голову красавец лось. Грохот выстрела тупой привычной болью отдался в крутой могучей холке, где застряла остроконечная винтовочная пуля.

Лось осмотрел реку, и в его влажных темных глазах красными угольками отразились отблески заката. Зверь настороженно повел ушами, сопровождая затихающие раскаты выстрела, но чуткие ноздри улавливали только запахи сырой земли и увядшей травы. Морозящий дождь водяной пылью оседал на влажной шерсти и лось привычно подергивал шкурой, словно спасаясь от летнего слепящего гнуса. Раскаты выстрела затихли вдали. Зверь, шумно вздохнул, и, не вставая с уютной лежки, сложил большую рогатую голову на свой теплый влажный бок.

– В девять снова даем ракеты, – предупредил Геннадий Кима, – и приготовь дрова для костра. Как получим ответный сигнал, зажигай. Я скажу Графу, чтобы обед держал наготове. Ребята сегодня обязательно вернуться, – уверенно сказал Геннадий скорее для себя.

– Ну, что, обедать будете? – с легким раздражением спросил Женя Граф. – Сколько можно ждать?

– Если ребята не вернуться к девяти, то обедаем.

Женя Граф работал поваром в геологической экспедиции Геннадия на плато Путорана десять лет назад. За это время он окончил Институт советской торговли и стал шеф-поваром престижного ресторана. Летом

Женя отъезжал на море руководить производством в курортных ресторанах, и зарабатывал за сезон немалые деньги. Но в душе он оставался романтиком кулинарии, которую считал великим искусством. В последние годы Женя стал одержим мечтой о создании кулинарных симфоний. Поэтому он отказался от выгодных курортных поездок и вновь устроился поваром в экспедицию Геннадия, рассчитывая вдали от мирской суеты вплотную заняться кулинарным искусством.

«Кормить вас буду по высшему разряду, – пообещал он Геннадию, – но за это вы будете должны иногда пробовать мои кулинарные произведения».

В отношении некоторых продуктов и пищевых ингредиентов Геннадий был очень разборчив, если не сказать брезглив. Женя охотно разъяснил свою оригинальную концепцию художественной кулинарии на примере музыкального произведения. Любая музыка это искусственное, гармоническое построение звуков во времени. Их можно записать всего лишь с помощью семи нот звукового ряда. Художественные кулинарные произведения можно создавать по тому же принципу.

Каждая область языка человека ощущает всего четыре разных вкуса: кислый, сладкий, горький и соленый. Еще есть так называемый «пятый вкус», добавка которого изменяет основные вкусы. Это искусственный пищевой препарат глутамат натрия. Он образуется и естественным путём в соевом соусе или сыре рокфор.

Женя мечтал разработать систему записи вкусов – что-то типа кулинарной грамоты с использованием линеек нотного стана. Вкусовая гамма должна записы-

ваться на нескольких параллельных линейках. При этом верхняя линейка отводилась для музыкального сопровождения. Поэтому Женя даже окончил вечернюю музыкальную школу по классу фортепиано, чтобы самому сочинять музыкальное сопровождение. А в экспедицию взял флейту.

Женя объяснил, что находится пока на первом этапе разработки художественной кулинарной грамоты. Его композиции представляют собой многослойные леденцы, которые получаются путем опускания заправки в сиропы с различной вкусовой начинкой. Под языком оболочки таблетки слой за слоем начинают растворяться, создавая некий художественный кулинарный образ.

«Это безопасно, – успокоил он Геннадия, – вы же любили в детстве леденцы, а здесь они будут с переменным вкусом».

Все знали, что у повара во выючном ящике, который он демонстративно запирает на висячий замок, походная лаборатория – весы, мензурки, спиртовка и набор разных ароматических приправ. Ким пару раз даже покушался на содержимое спиртовки.

Ким уже восьмой сезон подряд работал с Геннадием, каждый раз встречая его на полевом аэродроме. А бывший рабочий в экспедиции на плато Путорана Алексей Виконтов по прозвищу Виконт теперь плавал на научно-исследовательском судне. Каждый год, пересекая экватор, он сообщал об этом телеграммой: «Прошли экватор, идем в Кейптаун. Виконт де Базар».

Техник-геолог и радист путоранской экспедиции Сергей Баранов по прозвищу Барон, наконец-то полу-

чил диплом геолога, но работал радистом и шофером на базе Енисейской геологической экспедиции. Он остался таким же, вспыльчивым, словно черный оружейный порох. Рассказывали, как однажды плохо закрытая дверь кабины грузовика распахнулась от ветра и ударила, Барона по голове. В приступе бешенства он схватил монтировку и избил злополучную дверь, так что потом, три дня ее рихтовал. В конце прошлого сезона Геннадий наблюдал как Барон, сидя на корточках, снимал переднее колесо. В этот момент на раскисшей от дождя территории экспедиции студенты играли в футбол грязным и тяжелым мячом. От удара одного из игроков мяч взлетел свечой, и стал падать в сторону машины. Игроки в страхе замерли. Мяч упал точно на голову Барона, так что он уткнулся лицом в колени и громко лязгнул зубами. На поляне воцарилась мертвая тишина. Игроки хорошо знали, что Барон мгновенно впадает в ярость и может пустить в ход карабин, не задумываясь. Тогда с поляны никто живым не уйдет. Барон тоже замер, пытаясь сообразить, где находится его оружие, и вспомнив, что оставил его в спецчасти, процедил сквозь зубы:

«Сволочи вы, а не студенты!»

В палатке уютно гудела железная печка. Геннадий прилег на спальный мешок. От пройденных по тайге сотен километров к концу сезона накапливалась усталость. Дремота незаметно сомкнула веки, и пришел удивительный и непонятный сон:

«Блокада – голодный и нудный зимний вечер. На белом лепном потолке комнаты трепещут блики света от буржуйки, словно красные белки весело играют в

прятки. Начинается артобстрел – раздаются взрывы и вой сирен. Сестра быстро надевает на него шубку, туго завязывает под горлом удушающий и колючий шарф, а потом тащит на руках среди белых сугробов. Ужасно неудобно, но плакать нельзя. А кругом гремят оглушительные разрывы фашистских снарядов».

Геннадий очнулся, и открыл глаза. Совершенно непонятный сон. У Геннадия не было старшей сестры, и он не зимовал в блокадном Ленинграде. В начале войны они с матерью успели выехать из осажденного города последним эшелонам. Состав разбомбили под Мгой. Пассажиры бросились в придорожные канавы. Геннадий запомнил, что испугался воя падающих бомб, куда-то побежал и чуть не потерял мать. Потом они шли по дороге и на деревянном мосту видели дыру от неразорвавшейся бомбы. Им повезло, и они поехали дальше на уцелевших от бомбежки вагонах эшелона. Добрались до Рыбинска, а дальше вниз по Волге на барже, переполненной эвакуированными ленинградцами. Над ними на бреющем полете проносились немецкие самолеты, возвращавшиеся после бомбежки рыббинского моторостроительного завода. Они расстреливали неизрасходованный боезапас, поливая баржи свинцом из пушек и пулеметов. Мать была на девятом месяце беременности и закрывала собой от пуль укутанного в зимнее пальто пятилетнего Геннадия.

Потом оказалось, что сон блокадного мальчика принадлежал Киму, который тоже вздремнул и каким-то образом передал его Геннадию. Ким приехал в Ленинград с матерью и сестрой, как раз накануне войны и пережил самую первую и страшную блокадную зиму.

Геннадий накинул плащ и вышел из палатки. Стало заметно прохладнее. Облака еще скрывали закат, но небо очистилось, и показались звезды. Геннадий отправился на кухню в надежде заморить червячка и выпросить у Жени кусочек лаваша. Повар выпекал вкусные лепешки на специальном противне из нержавеющей стали. И не одобрял, когда перед обедом геологи хватали куски.

На кухне под тентом Женя Граф готовил маринад для зайца. Заметив Геннадия, он оживился и, вслух стал комментировать свою работу.

– Зайчик и кролик всегда имеют запах и привкус. Поэтому их мясо надо обязательно мариновать. Для этого хорошо иметь под рукой винный уксус или красное терпкое вино типа Саперави. Но где тут возьмешь вино? Его украли у меня, и выпили еще на базе. Но можно воспользоваться брусничным соком. А еще очень хорошо добавить сосновую лапку со свежими иголками. Ну и конечно лук, чеснок, перец, немного соли, сахар и на сутки в холодное место.

– Кто убил зайца? – недовольно пробурчал Геннадий. – Сейчас еще не сезон охоты и это браконьерство,

– Какие мы праведники, – в голосе Жени Графа чувствовалась легкая обида, – Вам надо было взять в экспедицию достаточное количество продуктов, согласно раскладке, которую я Вам представил. А Вы ее сократили вдвое, а потом еще треть утопили в реке на перекатах. Ну, если жалко зайцев, давайте питаться лягушачьими лапками, лягушек не жалко, если не побрезгуете.

Все знали, что Геннадий очень брезглив. И зайчатину есть не станет, потому что не ест кроликов. Не даром Папа Ким говорил начальнику:

«Если наступит голод, ты, Михалыч, умрешь первым».

«Это почему же?» – обижался Геннадий.

«Потому что все станут есть дерьмо, а ты не сможешь!»

– Кстати, я знаю несколько фирменных блюд из лягушачьих окорочков: в сметане, по-провансальски, в чесночном соусе, – продолжил куражиться Граф. Он догадывался, что Геннадий пришел просить кусочек лаваша и чувствовал свою власть над начальником. – Надо удалить кожу с лягушачьих лапок, промыть их, затем подсушить и замариновать в лимонном соке.

– Прекрати, – рассердился Геннадий, – дай лучше кусочек лаваша.

– Ждите обед! – отрезал Граф.

Без пяти минут девять Ким уже стоял на берегу и, по команде Геннадия, выстрелил красной ракетой. Со всем недалеко на реке взлетела ответная красная ракета, потом зеленая и снова красная. Ребята вышли из маршрута и сейчас мчались на резиновой лодке к лагерю.

Сигнальный костер на крутом берегу выбросил столб искр, словно извергающийся вулкан. Женя Граф побежал разогревать обед.

– Почему задержались? – Геннадий помог ребятам разгрузить лодку и вытащить ее на берег.

– Только вчера нашли эту гамма-аномалию, а сегодня до темноты составляли детальный геологический план.

– Четыреста микрорентген в час, – с гордостью объявил Сергей, отправляясь с радиометром снять отсчеты на контрольной точке у листовенницы.

– Аномалия это хорошо, но вот не заставят ли вас теперь еще на пару недель задержаться для ее детализации?

– Думаю, нет. Схему геологической карты я набросал. Ситуация очень простая и малоперспективная как на Кодаре в Мраморном ущелье.

В прошлом году Геннадий вместе с Максимом посетили заброшенный урановый рудник в ущелье Мраморный ключ. В фондовых материалах экспедиции они узнали, что в августе 1948 года Снежинской экспедицией с помощью приборов, установленных на самолетах, была обнаружена гамма-аномалия районе горного хребта Кодар в пятидесяти километрах от села Чара Читинской области. При наземной проверке в ущелье Мраморный ключ найдено урановое рудопроявление. Ожидалось, что оно может оказаться хорошим месторождением не только по качеству руд, но и по запасам. В те годы, после окончания Великой Отечественной войны США угрожали Советскому Союзу ядерными бомбардировками, а ответить было нечем. Урана для массового создания ядерного оружия не хватало. Поэтому добыча урановой руды в обнаруженных рудо-

проявлениях начиналась сразу без детальных разведок. Зимой пятидесятого года в кратчайшие сроки в Мраморном ущелье открыли урановый рудник, который разрабатывали силами заключенных. Но уже через год запасы уранового сырья были исчерпаны, и лагерь закрыли.

От долины реки Средний Саукан – левого притока реки Чара они поднялись к входу в Мраморное ущелье. Оно представляло собой узкую долину с высокими обрывистыми склонами на высоте около двух тысяч метров. Из горловины выползал густой утренний туман и стекал в долину. На всякий случай Геннадий громко крикнул, чтобы спровоцировать возможный камнепад, а Максим выстрелил из карабина. В насыщенном влажной воздухе эхо гулко и многократно отразилось от скал, как будто души погибших здесь людей ответили живым. Из белого молока тумана показались почерневшие остатки барачных лагеря особого назначения – словно восстали мрачные тени прошлого. Здесь несколько сотен заключенных работали на добыче «свинцовых руд» – так в целях засекречивания называлась урановая руда.

Кодар. Ущелье Мраморный ключ

<http://miningwiki/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%BB%D0%B0%B3-5.jpg>

В ущелье заглянуло солнце и сразу посветлело. Туман поредел, а потом и вовсе исчез. Наконец стало возможным осмотреть все ущелье от входа до ледника. Вряд стояли три почерневших от времени барака, в которых содержались заключенные, и полуразрушенные остатки каких-то мелких строений. Подножия крутых склонов обрамляли конусы щебеночных осыпей. Над ущельем парил орел, выслеживая немногочисленных пищух. На серых скалах, словно брызги засохшей крови, выделялись пятна бурого лишайника.

Об урановом руднике в ущелье Мраморный ключ рассказывали несколько противоречивых историй - от жутких легенд о тысячах заключенных, которых взорвали прямо в шахтах, после окончания работ, до бытовых рассказов геологов, которым довелось работать

на руднике и зимовать в палатках. Они утверждали, что никаких штолен не было, и заключенные выбирали куски руды из осыпей. А при разведке рудопроявления альпинисты пробивали в остатках вертикальной ураноносной жилы небольшие выработки, которые сразу входили в пустые породы. Поэтому решили, что промышленных запасов урановых руд здесь нет, и закрыли работы.

И действительно, никаких шахт они не обнаружили, а выше края осыпей в скале было пробито на небольшую глубину несколько углублений – видимо брошенные зачатки штолен.

Максим разложил на вьючном ящике топографическую карту и, составленную им геологическую схему рудопроявления.

– В левом борту ущелья обнажается вертикальная пегматитовая жила мощностью около метра. Ее куски с мелкими кристаллами уранинита падали на осыпь, которая размывалась водой ручья и на двести метров образовалась россыпь. Намытый шлик показал гамма-активность около пятисот микрорентген.

– А около аномалии на дне ущелья цепочка озера с невероятно прозрачной небесно-голубой водой. На глубине около пяти метров на дне виден каждый камушек, – вставил Сергей.

– Скорее всего, это от радона, который поднимается по глубинному разлому и растворяется в воде, – объяснил Геннадий.

– Этот газ голубого цвета? – удивился Сергей.

– Газ, бесцветен, но сильно радиоактивен и образующиеся в процессе распада альфа-частицы убивают мельчайшие водные организмы и водоросли.

– А радиометр ничего не показал, я специально гильзу прибора в воду опускал.

– Твой прибор не может регистрировать альфа-частицы, которые даже бумагу не пробивают, а сквозь дюралевые стенки трубки датчика проходят только гамма-кванты.

– Вы хотите сказать, что в воде озера сильная радиация, а мы не можем ее измерить? Я же ее пил.

– Если воду кипятили, то из нее весь радон вышел.

– Я и сырой воды выпил две кружки.

– От такого количества ничего с тобой не случится.

– В Ленинградской области есть радоновые озера на реке Лопухинка, – вступил в разговор эрудированный Женя Граф, – в них вода голубая и прозрачная. Рассказывали, что хирург Пирогов организовал там клинику и лечил матросов от радикулита. Их заворачивали в мокрые простыни, смоченные этой водой.

Женя Граф был самый образованный в области естествознания шеф повар. Иногда он задавал Геннадию такие вопросы в области космологии, на которые тот не мог ответить.

– Я тоже слышал про радоновые ванны, и чем же они полезны, если в воде одна радиация и даже водоросли не растут? – Сергей явно переживал по поводу выпитой радиоактивной воды.

– От радикулита радоновая вода, конечно, не помогают, но зато альфа-частицы от распада радона могут

убивать болезнетворных микробов на поверхности ран и они быстрее заживают.

– Ну, все, теперь жрать, – объявил Максим, – обед готов?

– А как же, – оживился Граф, – на первое бульон из рябчиков с домашней лапшой, на второе грибная солянка, на третье черничный компот.

Женя требовал, чтобы геологи за обедом не говорили о работе.

– Это американцы за обедом решают всякие дела, а французы наслаждаются блюдами. У них имеется слово «гурман», которым называют людей, любящих пресыщаться вкусной едой. Другое слово – «гурмэ» относится к людям – знатокам в тонкостях изысканной пищи. Они даже голодают, чтобы острее почувствовать вкус блюда. Французу всегда приятно, когда его считают «гурмэ».

– Я тоже люблю вкусно покушать, – Максим хлопал себя по животу, – и кто же я, по твоим меркам? – Он, явно, рассчитывая попасть хотя бы в категорию «гурман».

– Ты просто обжора, – в словаре Ожегова это «не насытанный, прожорливый человек».

– Спасибо, – обиделся Максим, – я каждый раз глаза закатывал, расхваливая его обеды, а он меня «фейсом об тейбл».

– Но у тебя еще есть шанс стать гурманом, – обнадежил повар.

В конце обеда Женя Граф выдал всем по большой зеленой таблетке.

«Это вкусовой ноктюрн!» – объяснил он, – называется «Полярное сияние»

Папа Ким осторожно, словно ядовитого паука, двумя пальцами взял таблетку и оглядел ее со всех сторон.

– А мы того, ласты не склеим после приема?

– Ким, многолетнее употребление этилового спирта закалило твой организм и тебя уже ничего не отравит, – успокоил Граф.

– Безумный мир! – Ким с опаской лизнул таблетку, со всей обреченностью понимая, что за ради дружбы с Женей Графом, он обязан ее съесть. – Куда катится цивилизация? Мир таблеток! Я слышал, что японцы додумались использовать таблетки вместо туалетной бумаги!

– Это как же? – опешил Граф.

– А так, после приема этих таблеток, фекалии выходят из организма упакованные в полиэтилен.

– Почти как у лосей – помет в виде капсул, чтобы опилками не царапал мягкие ткани. – Заметил Геннадий

– Хватит болтать! – с обидой в голосе воскликнул Граф, – дружно приняли таблетки и я включаю музыку.

По команде Жени все послушно положили в рот зеленые таблетки. Геннадий почувствовал какой-то необычный фруктовый вкус, который плавно изменялся и сопровождался легким холодком во рту.

Женя щелкнул клавишей на панели маленького, но мощного японского магнитофона. Токката и fuga ре минор Иоганна Себастьяна Баха торжественно растек-

лась с высокого берега на темную гладь реки. В момент второго акта в небе как по заказу вспыхнуло радужное северное сияние и, словно повинувшись воле великого композитора, заиграло разноцветными огнями.

После кулинарного концерта Максим направился к радиостанции. Связь держали азбукой Морзе. Максим отстучал сообщение, которое тут же записал в журнал: «Вашу мать беспокоит долгое отсутствие Михаила (вертолета МИ-6)». Вертолет должен был забрать отряды уже неделю назад, но, по разным причинам задерживался.

Послушав ответ морзянки из плавающих точек и тире, записал в журнал ответ:

«Михаил заболел (это значило, что летчики вылетали свою санитарную норму), к вам направляется его брат Николай (вертолет К-26). Отец (начальник экспедиции) посылает вашей матери горячий привет (объявляет вам строгий выговор за треп в эфире). Как улов?»

– Достукался до строгача, – ухмыльнулся Сергей, заглядывая в журнал через плечо радиста.

– А в прошлом году, – Максим снова взялся за ключ, – в неофициальной кодовой таблице «горячим приветом» мы называли водку. Помнишь, Серега?

– Помню, ты и тогда получил строгий выговор за треп в эфире.

Снова запищала морзянка.

«Улов четыре тонны (гамма-активность аномалии четыреста микрорентген в час) и всё первого сорта (природа аномалии урановая)», – отстучал Максим и записал в журнал, – но, путина закончилась (аномалия бесперспективна).

В ответ торопливо застрекотала морзянка.

– Все, вертолет сможет нас забрать послезавтра или через неделю, – объявил Максим в конце передачи.

– Как это через неделю? – насторожился Сергей?

– Передали, что в нашем районе обнаружили новую аэро-гаммааномалию. Запрашивают, сможем ли мы продержаться еще неделю и ее заверить.

Сообщение не вызвало массового энтузиазма. Геннадий первый раз за всю супружескую жизнь твердо обещал жене вернуться из экспедиции ко дню ее рождения. У Жени Графа заканчивался отпуск на основной работе. У Сергея должна состояться свадьба, а Максим с женой впервые за много лет собрался в отпуск на море и уже заказал номер в гостинице. Так что неделя задержки для всех создавала проблемы. Но никто не закричал: «не могу, не могу!» Только Ким никуда не торопился и готов был работать до глубокой зимы.

– На десятичасовом сеансе надо дать ответ.

– Решать тебе, как начальнику поискового отряда, – ответил за всех Геннадий, – только никогда не следует спешить с принятием решения. Давай расшифруем координаты, и посмотрим на карте, где находится эта аномалия, может быть рядом.

Максим сделал вычисления при помощи кодовой таблицы. К значениям полученных координат следовало прибавить определенные группы цифр.

– Аж за перевалом, – усмехнулся Максим, поставив точку на топографической карте, – туда надо сутки добираться. – Женя, как у нас дела с продуктами?

– В достатке только вода и соль, муки на два дня, банка сгущенки и пачка чая, – Женя сделал короткую

паузу, – но охотой, рыбалкой, ягодами и грибами неделю продержимся. И мне надо дать телеграмму в Городское управление общественного питания, чтобы на десять дней продлили отпуск.

– У меня свадьба через неделю, – с грустью сообщил Сергей, – еще весной заявление подали. Лена поймет, а вот родители будут в ярости.

– Я готов помочь, – упредил вопрос Геннадий, – Ким тоже. Вчетвером заверим аномалию в два раза быстрее.

– Сергей и Женя составляйте тексты радиограмм, заказываю вертолет через неделю.

Максим уже не колебался с принятием решения. Конечно, хотелось в отпуск, но отказаться заверить аномалию, которая впоследствии может оказаться урановым месторождением, было недостойно геолога-поисковика. В данной ситуации его отпуск и отсутствие продуктов не могли рассматриваться как уважительные причины для отказа.

– В принципе, есть возможность все сделать за два дня, – вдруг заявил Геннадий. Народ насторожился. – Если идти через перевал в верховьях этой реки, то сократим путь на десять километров и выиграем полдня. Мы все успеем сделать, если вертолет подхватит нас прямо с аномалии послезавтра во второй половине дня. А на обратном пути он сядет в этом лагере, и мы заберем снаряжение.

– Геннадий Михайлович, вы просто гений, – расчувствовался Сергей, – приглашаю вас на свадьбу.

– Тогда, заказываю вертолет на послезавтра. С утра сворачиваем лагерь, чтобы за десять минут все успеть

погрузить в вертолет, и налегке идем через перевал на аномалию. Всем отбой, – объявил Максим.

В этот момент на Севере опять вспыхнуло полярное сияние, а над ним по черному небосводу чиркнули несколько метеоров подряд.

– Мужики, загадываем желания, – воскликнул Граф.

И тут по небу быстро пронесся огненный шар и скрылся за сопками.

– Метеорит, – Максим поднял руку и вдруг крикнул, – тихо!

Все в недоумении замерли.

Максим достал компас и взял азимут на вершину сопки, за которой скрылся метеорит.

Только через минуту раздался слабый звук, напоминающий глухой удар.

– Метеорит упал в двадцати километрах, – определил Максим.

– Как это ты узнал? – удивился Сергей.

– Все очень просто. Скорость звука триста тридцать метров в секунду, значит, расстояние в километр звук преодолевает за три секунды. А с момента падения прошло пятьдесят восемь секунд, я считал. Вот и получается около двадцати километров.

– Всегда мечтал найти метеорит, – вздохнул Сергей.

Мы его не найдем, но наша информация лишней не будет, – Максим записал в дневник данные наблюдений. – А теперь отбой, нас ждет гамманомалия.